

Глава 24

Едва Цзянь Жочэнь закончил фразу, зрачки мужчины сузились до размеров игольного ушка, а на лице проступило крайнее изумление.

Юноша на мгновение задумался и, уже не сомневаясь, вынес вердикт:

— Значит, это Лу Цянь.

Взгляд патрульного из изолятора Шам Шуй По стал блуждающим. Он что-то невнятно забормотал, пытаясь оправдаться:

— Нет... меня никто не присылал, я сам... я решил во всем сознаться...

Гуань Инцзюнь холодно усмехнулся и веско оборвал его:

— Говори правду!

Мужчина от этого окрика испуганно втянул голову в плечи. Жочэнь легонько подтолкнул инспектора локтем:

— Полегче, сэр Гуань. С теми, кто пришел с повинной, нужно быть обходительнее. Если будете так рычать, вы распугаете всех, кто на самом деле хочет облегчить душу.

Он отошел к кулеру, налил воды и протянул стаканчик задержанному:

— Как мне вас называть?

— Дин... Дин Цзяминь.

Дин Цзяминь принял бумажный стаканчик, сжал его в ладонях, словно пытаясь согреться, но пить не стал. Он поднял взгляд, полный тревоги и недоумения. Консультант спокойно выдержал его осмотр.

— Ну, рассказывайте. Это ведь Лу Цянь приказал вам явиться?

Цзянь Жочэнь мягко добавил:

— Не бойтесь. Кто бы ни велел вам прийти, сам факт явки с повинной и деятельного раскаяния никуда не денется.

Не успел он закончить, как от дверей кабинета Группы А раздался голос:

— А почему не Цзян Ханьюй?

В комнату вошел Чжан Синцзун, неся три пакета с едой.

— После того как Цзян Миншаня приговорят к высшей мере, именно он окажется в самом выгодном положении. Ханьюй сможет сразу прибрать к рукам все активы семьи Цзян.

Сжимая в руке упакованную в промасленную бумагу гусиную ножку, Синцзун наклонился и поставил пакеты на стол инспектора, с любопытством хлопая глазами. Жочэнь почувствовал аппетитный аромат жареного мяса, и его желудок отозвался голодным урчанием.

«Как же хочется есть...»

Он невольно заговорил быстрее:

— Потому что Цзян Ханьюй уже открестился от Миншаня. Он сумел в одиночку стабилизировать акции «Цзянтин Групп» и фактически сделал так, чтобы совет директоров списал Цзян Миншаня со счетов как отработанный материал. Ханьюй уже получил желаемое. Теперь ему остается лишь планомерно укреплять власть, лишние движения ему ни к чему.

Юноша сделал паузу и продолжил:

— С Лу Цянем ситуация иная. В его развлекательном центре «Тяньцюаньду» постоянно дежурит полиция, расходы растут, доходы падают. Ему позарез нужны деньги, причем сейчас. Лу Цянь не может ждать, пока Цзян Ханьюй не спеша захватит власть, а потому...

Чжан Синцзун возбужденно хлопнул себя по бедру:

— А потому он подговорил Дин Цзяминя сдать! Чтобы Цзян Миншаня гарантированно приговорили к смерти, и Ханьюй как можно скорее вступил в наследство. А потом Лу Цянь через их брак запустит лапу в семейный бюджет!

Он еще несколько раз ударил себя по ноге, словно аплодируя Цзянь Жочэню:

— Так вот оно что! Мне бы такое и в голову не пришло! Ну ты и голова!

Жочэнь невольно проследил за тем, как в такт движениям Синцзуна подпрыгивает гусиная ножка, и сглотнул. Гуань Инцзюнь негромко усмехнулся. Этот блестящий консультант, только что щелкавший преступные замыслы как орехи, сейчас смотрел на еду так, словно был готов

нырнуть в ланч-бокс.

Старший инспектор помедлил секунду и неспешно поинтересовался:

— Чжан Синцзун, ты сам-то пообедал?

— Конечно, — ответил тот, не понимая подвоха. — А Чжэн и остальные всё еще внизу, в кафе. Я подумал, раз вы не спускаетесь, прихватчу еды вам и Дин Гао.

Гуань Инцзюнь бросил взгляд на дверь.

— Тогда отведи Дин Цзяминя в допросную и всё как следует запиши. Остальное обсудим, когда мы поедем.

Синцзун вытянулся по струнке:

— Есть, сэр!

Он так увлекся дедукцией юноши, что совсем позабыл: начальство и консультант с самого утра маковой росинки во рту не держали. Дин Цзяминь уходил в полном замешательстве. Он не понимал, как это вышло. Он ведь и слова не успел проронить, а выходило так, будто продал Лу Цяня с потрохами.

«Этот Жочэнь... он что, демон, читающий мысли?»

Дин Цзяминя пробрал озноб, страх окончательно вытеснил остатки решимости.

***

Едва за ними закрылась дверь, Жочэнь придвинул к себе коробку с едой и принялся за трапезу. Гуань Инцзюнь неторопливо снял крышку со своего ланч-бокса.

— Надо же. Тот, перед кем Цзян Миншань так заискивал, стал последней соломинкой, сломавшей хребет верблюду.

Алчность и жажда власти порой делают человеческую натуру поистине уродливой. Нынешний Сянган лишь на поверхности казался процветающим и спокойным. На деле же под этой гладью бушевали темные течения. Преступные сети напоминали картофельный куст: стоит потянуть за один клубень, как следом вылезает целая гроздь, перепачканная в жирной грязи.

Сэр Гуань несколько секунд смотрел на еду, не притрагиваясь к ней, а затем сухо бросил:

— Можно сказать, Лу Цянь даже сослужил нам добрую службу.

— Угу, — промычал Жочэнь с набитым ртом. — С таким свидетелем у Цзян Миншаня нет ни единого шанса выкрутиться.

Инспектор поднял голову и увидел, что консультант уже вовсю грызет косточку от гусиной ножки. Его щеки были смешно раздуты — сейчас в нем не осталось и следа от того жесткого и пронизательного человека, что обезвреживал бомбу.

Крышка от ланч-бокса лежала рядом, на ней сиротливо высилась горка белого риса, не задетого соусом, и три аккуратно выложенных стебля бланшированной капусты. Юноша демонстрировал свою привередливость с таким невозмутимым видом, словно это было в порядке вещей. Совсем не похоже на поведение бедного студента, знавшего нужду. Скорее — на привычки ребенка, которого всю жизнь баловали.

Гуань Инцзюнь, не говоря ни слова, переложил отвергнутый рис и овощи в свою коробку.

— Избыток специй вреден для здоровья. Привыкай есть больше овощей на пару.

— Да-да, конечно, — отмахнулся Цзянь Жочэнь.

«Овощи на пару? Какая тоска...»

Для него смысл жизни заключался в жареной курочке, холодном пиве и ароматных пашлычках. Он посмотрел на свою капусту в чужой тарелке, и его вдруг кольнуло чувство вины. Раньше, в академии и общежитии, приходилось есть то, что дают в столовой, и он никогда не позволял себе капризничать.

Жочэнь чистой ложкой подцепил два самых сочных куска мяса и положил их инспектору.

— Благодарю сэра Гуаня за помощь в утилизации пресного риса и травы. Вот это — ваша зарплата, а это — премия.

У Гуань Инцзюня дернулся висок.

— Подлизываешься?

— Что вы, это честная оплата вашего труда, — не моргнув глазом, парировал юноша. — А если вам покажется, что я переплатил, можете выдать сдачу.

С покупками и продажами шутки плохи. Он покосился на косточку в коробке собеседника. В

конце концов, они вместе стояли перед лицом смерти — это ли не повод для настоящей дружбы? В качестве сдачи он бы не отказался от добавки.

Инспектор молча переложил ему кость.

— Держи.

Жочэнь довольно прищурился:

— Спасибо, сэр Гуань!

Инспектор отпил холодной воды, пряча улыбку.

— Ешь давай. Остынет.

***

За окном зажглись первые огни большого города. Закончив ужин, Гуань Инцзюнь собрал мусор и вышел, чтобы его выбросить. Вернувшись, он застал юношу за открыванием окон — тот пытался выветрить из кабинета запахи еды. Ветер зашуршал бумагами на столах, и консультант принялся методично прижимать стопки документов тяжелыми папками.

Инспектор на мгновение замер в дверях, и на его губах проступила тень улыбки.

— Сэр Гуань? Вы чего здесь стоите? — Чжан Синцзун подошел к нему с папкой показаний Дин Цзяминя.

Не успел он заглянуть в кабинет, как Гуань Инцзюнь перехватил у него документ.

— Он всё рассказал? — спросил мужчина, прислонившись к дверному косяку и пролистывая страницы.

— Всё! — Синцзун мгновенно переключился на отчет. — Слово в слово подтвердил догадку Жочэня! Лу Цянь даже заплатил ему. Дин Цзяминь молчал только потому, что боялся конфискации денег.

Он с нескрываемым восхищением посмотрел в сторону консультанта:

— Сэр Гуань, как думаете, я когда-нибудь стану таким же умным? Он ведь даже вопросов не задавал, а уже всё знал. Потрясающе.

Гуань Инцзюнь смерил подчиненного долгим взглядом.

— Ешь больше мяса и яиц.

В том смысле, что во сне это случится быстрее. Он еще раз пробежал глазами по протоколу и нахмурился:

— Дин Цзяминь не знал, что Лу Цянь и Цзян Миншань были сообщниками?

— Похоже, что нет... — Синцзун немного поник. — Может, позвать Жочэня, чтобы он еще раз его расспросил?

— Не стоит. Дин Цзяминь был всего лишь посыльным, он и сам мало что знает.

— Тогда... мы придержим это дело?

В Сянгане действовала трехступенчатая судебная система, и условия для апелляции были крайне жесткими. Поэтому полиция часто придерживала дела с недостаточной доказательной базой, выжидая момента, когда улики станут достаточно для гарантированного обвинения. Один удар — один приговор.

Сэр Гуань еще раз пересмотрел файлы и покачал головой:

— Нет. Задержка не поможет нам зацепить Лу Цяня. Дин Цзяминь видел его только перед тем, как прийти к нам. Его показания топят Цзян Миншаня, но почти бесполезны против Лу Цяня.

В глазах Чжан Синцзуна вспыхнул азарт:

— Тогда пусть этот подонок получит по заслугам!

Чувство от того, что ты вырезаешь гнойник на теле общества, было ни с чем не сравнимым.

«Работаем сверхурочно!» — решил для себя Синцзун.

Пока он горел желанием трудиться, Жочэнь уже собрал свои вещи и с надеждой посмотрел на инспектора:

— Я ведь больше не нужен?

«Домой?»

Чжан Синцзун только и смог, что изумленно открыть рот. Гуань Инцзюнь невольно рассмеялся:

— Да, остальное мы доделаем сами. Отдыхай эти дни дома, ты заслужил.

Жочэнь шутливо отдал честь:

— Есть, сэр Гуань! Знаете, когда вы отпускаете людей домой, вы кажетесь мне даже более обаятельным, чем когда прикрываете наши тылы.

У инспектора зачесались руки — так захотелось щелкнуть этого наглеца по лбу. Он молча провожал Жочэня взглядом, пока тот не скрылся в дверях лестничного пролета.

***

Напряжение во время ограбления парома и последующее обезвреживание бомбы выжали из юноши все соки. Стоило ему переступить порог дома, как он провалился в глубокий, беспробудный сон. Даже спустя три дня праздного безделья он всё еще чувствовал себя разбитым.

В это время вся Группа А буквально жила в управлении, работая над делом Цзян Миншаня. Полицейские ночевали прямо в кабинетах. Сначала они привели в порядок все архивы, а затем принялись за шестерых налетчиков, захваченных на пароме. Те оказались не из храброго десятка. Стоило Гуань Инцзюню с грохотом пнуть стол в допросной, как они, теряя самообладание, начинали выкладывать всё подряд.

Их признания лились рекой. Каждый был готов слезно умолять о пощаде, но стоило зайти речи о Лу Цяне или наркотиках — наступала гробовая тишина. «Не знаем, не видели, не слышали».

Гнев старшего инспектора был столь велик, что остальные сотрудники отдела старались обходить Группу А за версту. Даже в комнате отдыха никто не решался говорить в полный голос.

— Что там у Группы А стряслось? Ограбление ведь раскрыто?

— Не совсем. Задержанные в упор не признают связь с Лу Цянем.

— Эх... ну, хоть так. А то я уже начал переживать из-за их взрывного успеха, теперь хоть дышать легче стало.

— А где их консультант? У него же талант к допросам, пускай бы он попробовал.

— Может, разругались? У Гуань Инцзюня лицо такое, что я бы на месте его подчиненных уже давно уволил.

— Когда точно знаешь, кто преступник, но не можешь это доказать — любой бы озверел.

— Посмотрим, как они выкрутятся. Если эти типы не признают, что прошлое ограбление тоже их рук дело, Группа А так и не сможет закрыть производство.

***

Утро четвертого дня. Раздражение от хронического недосыпа достигло предела. Гуань Инцзюнь зашел в буфет, и, пока заваривался нестерпимо крепкий кофе, набрал номер Жочэня. Юноша проснулся от звонка и, сев на кровати, посмотрел на часы. Половина шестого... Даже солнце еще не встало.

Он несколько секунд сидел с полужакрытыми глазами, а потом снова рухнул на подушку.

— Дело ведь закрыто, разве нет? Что-то случилось? Новый труп? — сонным, чуть капризным голосом пробормотал он.

От этого невнятного бормотания гнев инспектора мгновенно испарился, а в ушах стало странно тепло. Он переложил трубку к другому уху и смягчил тон:

— Разбудил? Слушай, Хоуцзы и остальные не хотят сдавать Лу Цяня. Признают только приказы Цзян Миншаня. С таким раскладом мы не можем закрыть дело об ограблении парома. Обвинение по первой части уже вынесено, и прокуратура вряд ли примет новых фигурантов по тому же эпизоду.

Инспектор отхлебнул кофе, заметив краем глаза, как кто-то из коллег любопытно высунул нос из-за двери буфета.

— А, это... пустяки, — пробормотал Жочэнь, словно читая заклинание. — Просто раздели эпизоды в отчете. Оформи первое ограбление и второе как два разных дела. Первое — на Лу Цяня, второе — на Миншаня.

— Сначала подавай второе. Прокуратура всё равно не сможет доказать, что это были звенья одной цепи... Суд к этому не придерется.

Гуань Инцзюнь замер.

«А ведь верно».

Полицейские, подслушивавшие у двери, тоже застыли.

«Так можно было?»

Они-то всё это время пытались свести концы с концами. А Жочэнь одной фразой превратил один отчет в два раскрытых дела! Откуда в нем эта деловая жилка?

Чувство несправедливости у коллег вспыхнуло с новой силой. Они были так поражены этим нестандартным подходом, что в буфете на добрых десять секунд воцарилась тишина. Инспектор уже собирался похвалить юношу, но услышал, как дыхание в трубке стало совсем тихим.

— Больше не буди меня так рано, инспектор Гуань... — Последнее слово потонуло в сонном вздохе, полном едва уловимой обиды.

Из-за того, что голос был совсем тихим, в трубке возникли легкие помехи, и эта жалоба прозвучала почти как кокетство. Инспектор невольно улыбнулся, но тут же вспомнил, что Жочэнь едва не назвал его «инспектор Гуань».

Он терпеть не мог этот официальный титул. Как говаривал дядя Ли, это было чем-то вроде посттравматического синдрома.

Гуань Инцзюнь повесил трубку, не обращая внимания на коллег, которые чуть ли не грызли дверной косяк от зависти. Он быстрым шагом направился к допросной:

— Дин Гао, сворачиваемся! Передаем дело Цзян Миншаня в прокуратуру немедленно! Закрываем производство!

Он перевел взгляд на Хромого, сидевшего на стуле, и одарил его на редкость дружелюбной улыбкой. Такие «святые люди», способные подарить полиции два раскрытых дела вместо одного, встречались нечасто. Инспектору было не жалко лишний раз улыбнуться.

Теперь у полиции было достаточно улик, чтобы по совокупности преступлений Цзян Миншань получил смертный приговор. Его финал был предрешен.

Полдень того же дня. Цзянь Жочэнь, проснувшись, не спешил вставать. Уютно устроившись под одеялом, он слушал дневные новости по радио «Синван Энтертейнмент». Спокойный, элегантный голос ведущей вещал:

— Четвертое января, восемь часов утра. Полиция официально выдвинула обвинения против Цзян Миншаня. В двенадцать часов дня подсудимый был переведен в Изолятор временного содержания суда Западного Цзюлуна для ожидания процесса.

— Согласно полученным данным, Цзян Миншань обвиняется в изнасиловании, растлении, организации серийных убийств, создании угрозы общественной безопасности путем подрыва и незаконном хранении огнестрельного оружия. Также ему вменяются в вину порча транспортной инфраструктуры, вооруженный грабеж, нарушение общественного порядка, посягательство на государственные интересы, а также уклонение от налогов и контрабанда в особо крупных размерах...

Ведущая зачитывала список преступлений добрых три минуты. Консультант слабо улыбнулся и медленно закрыл глаза. Злодеев покарает закон, а его этот монотонный список окончательно убаюкал. Стоило поспать еще немного.

<http://bllate.org/book/15833/1435512>